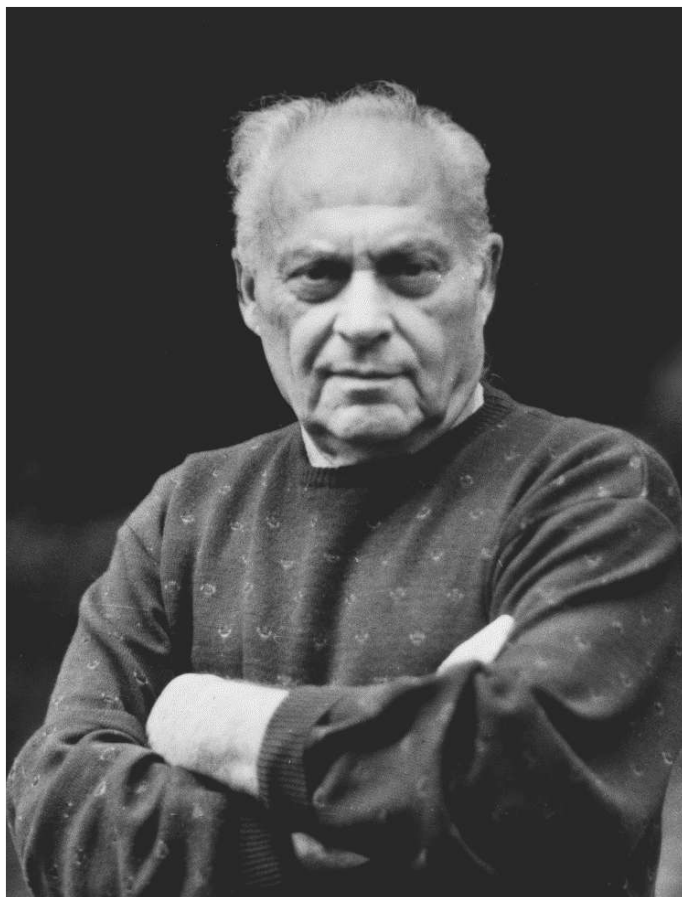

ЛЕГЕНДАРНЫЕ КНИГИ ЛИТАГЕНТСТВА ФТМ

КЛАССИКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АНАТОЛИЙ РЫБАКОВ

1911-1998

Анатолий Рыбаков

Дети Арбата
Страх

Книга 2

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1

ББК 84-4

P93

Рыбаков, А.

P93 Дети Арбата. Книга 2. Страх / А. Рыбаков. – М. : T8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 956 с. – (Легендарные книги литагентства ФТМ).

ISBN 978-5-521-74716-0

Трилогия «Дети Арбата» повествует о горькой странице истории России — о том времени, которое называют «периодом культа личности». В романе «Страх» (вторая книга трилогии) продолжается рассказ о судьбах «детей Арбата» — Саши, Вари, Лены, Нины.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1

ББК 84-4

BIC FC

BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74716-0

© T8RUGRAM, 2018

© ООО «Агентство ФТМ,
Лтд.», 2018

© Текст. А.Н. Рыбаков,
наследники, 2018

От автора

Роман «Страх» — это продолжение романа «Дети Арбата». «Дети Арбата» кончаются убийством 1 декабря 1934 года С. М. Кирова. В обстановке массового, беспощадного, невиданного в истории террора, следовавшего за этим убийством, и происходит действие романа «Страх» (1935—1937 гг.).

В новом романе читатель встретится как с героями, знакомыми ему по «Детям Арбата», так и с новыми и, думаю, получит представление о том, как жили советские люди в то страшное время.

Ученые утверждают, что способность человека к физическому выживанию в самых невероятных условиях — поразительна, порой безгранична. Этого нельзя сказать о выживании моральном: приспособляемость в нравственно деформированном обществе деформирует личность. Это тема романа. И все же деформация — процесс обратимый. И это тоже тема романа.

Анатолий Рыбаков

Арбатское вдохновение, или Воспоминания о детстве

Антону

Упрямо я твержу с давнишних пор:
меня воспитывал арбатский двор,
все в нем, от подлого до золотого.
А если иногда я кружева
накручиваю на свои слова,
так это от любви.
Что в том дурного?
На фоне непросохшего белья
руины человеческого жилья,
крутые плечи дворника Алима...
В Дорогомилово из тьмы Кремля,
усы прокуренные шевеля,
мой соплеменник пролетает мимо.
Он маленький, немытый и рябой
и выглядит растерянным и пьющим,
но суть его — пространство и разбой
в кровавой драке прошлого с грядущим.
Его клеветы топчутся в крови...
Так где же почва для твоей любви? —
вы спросите с сомнением, вам присущим.
Что мне сказать? Я только лишь пророс.
Еще далече до военных гроз.
Еще загадкой манит подворотня.

Еще я жизнь сверяю по двору
и не подозреваю, что умру,
как в том не сомневаюсь я сегодня.
Что мне сказать? Еще люблю свой двор,
его убогость и его простор,
и аромат грошового обеда.
И льну душой к заветному Кремлю,
и усаха кремлевского люблю,
и самого себя люблю за это.
Он там сидит, изогнутый в дугу,
и глину разминает на кругу,
и проволочку тянет для основы.
Он лепит, обстоятелен и тих,
меня, надежды, сверстников моих,
отечество... И мы на все готовы.
Что мне сказать? На все готов я был.
Мой страшный век меня почти добил,
но речь не обо мне — она о сыне.
И этот век не менее жесток,
а между тем насмешлив мой сынок:
его не облапошить на мякине.
Еще он, правда, тоже хил и слаб,
но он страдалец, а не гордый раб,
небезопасен и небезоружен...
А глина ведь не вечный матерьял,
и то, что я когда-то потерял,
он в воздухе арбатском обнаружил.

Булат Окудажава

Часть первая

1

В положенный день не пришла почта. Не пришла она и через неделю. Но сани из Кежмы приходили к Федьке, к продавцу, привозили что-то.

Саша зашел в лавку. Федя дверь не открывал, пускал через заднее крыльцо, через кладовку.

— Тебе товары привезли?

— Привезли кой-чего.

— А почты почему нет, не знаешь?

— Кто знат. Тебе, может, чего в долг записать?

— Ничего не надо, спасибо.

Зашел Саша и к Всеволоду Сергеевичу. Тот лежал на кровати, укрытый хозяйской барчаткой — длинным полушубком до пят, со сборками на поясе.

— Заболели?

— Здоров.

— Чего же лежите?

— А что делать?

— Почему почта не приходит?

— Почта? Почты вам захотелось? Вам сейчас другую почту преподнесут.

— Не понимаю.

— Не понимаете... А что происходит в стране, понимаете? Враги рабочего класса убили товарища Кирова, а вы хотите, чтобы этим врагам аккуратно доставляли

почту. Да вы что, Саша?! Властям надо изготовиться для ответного удара. Такого удара, чтобы дрогнула земля Российская. Чтобы неповадно было убивать вождей рабочего класса, чтобы враги рабочего класса, личность которых еще выясняется, не смели бы подсылать убийц, личность которых тоже еще выясняется. А вы письма ждете, по газеткам соскучились. Какие письма врагам рабочего класса? Чтобы они сговорились, как избежать возмездия за совершенное убийство? Какие газеты? Чтобы они могли сориентироваться в событиях, чтобы могли маневрировать? Нет, дорогой, такой возможности вы не получите. Еще скажите спасибо, что вас не трогают, не заставляют в такой мороз шествовать до Красноярска.

— Ладно, — засмеялся Саша, — не пугайте меня, а главное, не пугайте себя.

Всеволод Сергеевич сел на кровати, уставился на Сашу.

— Вы давно видели Каюрова?

— Каюрова? На днях встретил на улице.

— Больше не встретите.

Саша вопросительно смотрел на него.

— Да, да, — повторил Всеволод Сергеевич, — его увезли сегодня ночью, подъехала кошевка, побросали его барахлишко и увезли.

— Никто этого не видел, — растерянно проговорил Саша.

— Конечно. Собаки и те не лаяли. Все спали. Вот такие дела. Вы помните своего спутника Володю Квачадзе?